

Павленко Дарья
(балерина)

6.9.04

«В сорок лет я забуду, что такое балет, и открою ресторан»

Русск. курьер - 2004 - 6 апр - с. 10.

Светлана НАБОРЩИКОВА

Высокая и стройная Дарья Павленко, типичная представительница царственных петербургских прим, родилась и провела детство в Москве. Звание балерины, высшее на иерархической лестнице Мариинки, получила лишь в этом году, но фактически стала балериной вскоре после окончания Академии русского балета. В послужном списке 25-летней звезды все ведущие названия репертуара, в том числе главные роли в «Раймонде», «Лебедином озере», «Баядерке», участие в балетах Баланчина и Ноймайера, выступление в спектаклях Королевского балета Великобритании. На IV Мариинском фестивале, недавно завершившемся в Петербурге, она танцевала едва ли чаще всех мариинских балерин, вместе взятых. За десять дней — три сложнейшие партии, в том числе в премьерных показах балетов Уильяма Форсайта.

— Как случилось, что вы, москвичка, оказались в Петербурге?

— Меня не приняли в Московское хореографическое училище. Думаю, что из-за отсутствия брата, хотя причину назвали объективной: сказали, что у меня несценичная внешность. Лично у меня никаких сомнений не было. Я обожала танцевать, моя сестра Надя профессионально занималась балетом. В Московское училище ее тоже не взяли, и она поступила в Вагановское. И мы с мамой сразу же поехали в Ленинград. Я начала учиться, хотя не совсем понимала, насколько это серьезно, что в десять лет ты выбираешь профессию на всю жизнь. Каких-то успехов в младших классах у меня не было, и особенных надежд я не внушала.

— Когда все изменилось?

— Класа с пятого, а, скорее всего, уже на курсах, ближе к выпуску, когда появился новый педагог, Елена Викторовна Евтеева. У меня есть такое качество: я не очень себе нравлюсь, не очень в себя верю, а она в меня поверила. Когда тебе говорят: «Ты можешь, ты необычная, в тебе есть изюминка», — это сильно подстегивает.

— Мне известно, что в училище вы отчаянно пытались похудеть, почти ничего не ели.

— Действительно худела я целенаправленно. На третьем курсе начались проблемы с желудком, и за две недели до выпускного экзамена я попала в больницу. Там меня накачали витаминами и откормили. Снова пришлось худеть, уже в театре. Затем у меня начались приступы, вроде эпилептических, и выяснилось, что они напрямую связаны с периодами голодания. Я плюнула на диеты и начала есть. Сначала набрала вес, а потом все пришло в норму. И сейчас ем нормально, люблю покушать. Моя сегодняшняя диета — тренаж и работа.

— С вами оканчивала школу Света Захарова?

— Да. Но она училась только год.

— Интересно, как вы восприняли ее появление. Вы, наверное, были первой ученицей в классе и вдруг Света, которую все прочат в примы.

— Я не могу сказать, что это был мой пункт, что я спала и видела эту ситуацию. Мы никогда не были близкими подругами, но нормально общались. Она замечательная балерина, и надеюсь, что у

Новое поколение мариинских балерин выбирает любовь, детей и кулинарию

нее будет все хорошо в Большом театре, хотя мне жаль, что она ушла.

— Почему вам жаль? Вы исполняли одни и те же партии, и в известной степени она расчитала вам дорогу.

— Вы так думаете? На самом деле совершенно нет. У нее свой путь, у меня свой. Мне вообще не свойственны великие амбиции, мне с ними неприятно жить. Я не стремлюсь к тому, чтобы каждая балетная энциклопедия начиналась словами: Павленко — великая балерина. Совершенно меня это не интересует. Для меня самое главное — оставаться нормальным человеком.

— Как вам это удается? В мире, где амбиции, интриги и зависть в порядке вещей?

— Во-первых, балет — не самое важное в моей жизни. Во-вторых, я занимаюсь балетом, потому что мне это нравится, а не потому, что хочу добиться успеха.

— Если балет для вас не самое главное, то что же важно?

— Мои родные и мой любимый человек, который живет в Лондоне. Его зовут Иван Пугров, он из Киева, сейчас солист Королевского балета Великобритании. То что нам приходится быть врозь, предмет наших бесконечных разговоров, но пока мы не можем решить эту проблему. Он считает, что мне в Covent Garden будет скучно, а я думаю, что здесь не могу гарантировать ему то, что он имеет там. Я не хочу, чтобы он что-то сделал ради меня, скажем, переехал в Петербург, а потом жалел об этом.

— Ваше приглашение в Covent Garden, на «Баядерку», от Ивана как-то зависело?

— Нет, до моего приезда в Лондон мы не встречались. Там и познакомилась. Я всегда действую стремительно, у меня такой характер. Либо человек мне нравится сразу и очень, либо не нравится, и дальше уже ничего не изменишь.

— Если бы вам было дано изменить в своем характере одну черту, что бы вы изменили?

— Я бы добавила себе твердости. Иногда я не могу постоять за себя, теряюсь, и даже когда вижу, что человек не прав, мне легче с ним согласиться, чем сказать «нет».

— Вы можете отказаться от балета ради семьи, ребенка?

— Да, абсолютно, ни на секунду не задумываясь. Для меня вообще не стоит вопрос, ребенок или карьера. Однозначно ребенок. Если забеременею, уйду в декрет и буду рожать.

— Но пока вы в строю. Давайте сравним Covent Garden и Мариинку. Что бы вы хотели заимствовать из английской практики?

— Мне нравится, как выстроен их режим. Расписание вывешивается заранее. Каждый знает, когда работает, когда отдыхает. У нас эта бумажная работа никак не выполняется, просто какая-то черная дыра. Также приятно удивило, что никто не обсуждает распределение ролей. В Мариинке та же ситуация постоянно проговаривается. Только и слышишь: «Ой, это ей совсем не подходит, какой ужас, да вы посмотрите на ее лицо...» Там же все очень мило, улыбаются. Я думаю, что и за глаза они не говорят гадости или говорят только в очень узком кругу. Может быть, они терпеть меня не могли, но никто никогда не показывал вида.

— Британской сдержанности можно только позавидовать. Но, наверное, и Мариинка чем-то отличается в лучшую сторону?

— У нас очень следят за соответствием внешних данных и роли, и это правильно. Когда я вижу, как маленькая девочка, которая мне ниже плеча, танцует Никию, я не понимаю, как это возможно. У нас бы она танцевала партии инжению — максимум Жизель, ну, может быть, Сильфиду. Хотя, повторю, там эта ситуация вне обсуждения. Тебе дали, ты должен приготовить. Затем есть ощущение, что для них театр — это только работа. Не то что творчества, но никакого интереса специального нет. Они хорошо делают свое дело. При этом никогда не задаются вопросами — почему я здесь стою, куда я иду, зачем мне этот жест. Просто воспроизводят то, что им показывают, без какой-либо осмысленности.

— Вы недавно официально переведены в балерины. Это обстоятельство как-то изменило вашу жизнь?

— В моральном отношении приятно, хотя опять-таки главное — то, что я делаю на сцене, не важно, балерина я при этом или просто солистка. А с материальной точки зрения... Вот, начислили зарплату на карточку, пойду посмотреть.

— Роль денег в жизни для вас существенна?

— Сказать, что деньги меня не интересуют, глупо. Интересуют, потому что я на них живу. Мариинский — не самый высокооплачиваемый театр мира, и мне хотелось бы, чтобы артистам, не только лично мне, платили больше. Балет — очень большой труд, физический и эмоциональный.

— Не хотите ли поменять Мариинский театр на другой, где достойно платят?

— Не хочу. Деньги — далеко не самое важное. В Мариинке работает мой любимый педа-

гог, Елена Евтеева, которой я буду благодарна всю жизнь, без нее меня просто не было бы. Здесь я могу заниматься творчеством, а не воспроизведением раз и навсегда данного текста. В Covent Garden я никогда не посмела бы переделывать костюм, менять какие-то жесты. В Мариинке в пределах нормы я могу это делать.

— Распространяется ли ваша свобода на выбор партнера? На минувшем фестивале вы танцевали с солистом American Ballet Theatre Итаном Стифелом. Все было замечательно, кроме одного — он для вас низковат.

— Мне тоже так казалось, но не в моих силах было решить эту проблему. Можно поменять костюм, позу, но партнера назначает руководство. Руководство решило, что со мной будет танцевать он. Я не могла сказать: хочу партнера повыше. Эта не та степень свободы, на которую я могу рассчитывать.

— Вы только что работали с авангардистом Форсайтом. Как чувствовало себя ваше «классическое» тело, не приходилось ли себя ломать?

— Никакого дискомфорта я не ощутила. Было безумно интересно. У Форсайта не просто пластика, это философия. Его видение жизни и движения, как продолжения жизни, очень цельно, очень убеждает. Мы воспроизводим это по-своему, но, мне кажется, неплохо. Его же танцовщики выглядят просто потрясающе. При минимальных физических возможностях они выкладывают на двести процентов. Я смотрела две записи «Стептекста» — с Сильви Пиллем и с его женой, Даной Касперсен. Вы представляете, что такое Сильви Пиллем? Это потолок, мечта, а не балерина. И Дана — танцовщица, которая мне по поясу, с ножками, как у стула, и верхом, как у здорового мужика. Но Сильви по сравнению с ней танцует «Стептекст» практически никак. Когда Дана начинает двигаться, от нее исходит совершенно немислимая энергетика. И это на пленке! Значит, если она работает вживую, людей прошибает пот. Это и есть подлинный Форсайт, и мне бы хотелось понять, как это происходит, какие механизмы включаются.

— Если бы не Россия, где бы вы хотели жить?

— В Лондоне. Мне по душе тамошний климат и люди. Они немножко снобы, но при этом никто никогда не лезет в твою личную жизнь. Ты живешь так, как тебе нравится, и никому нет до этого никакого дела. Я и в России не думаю о том, что обо мне думают другие, но здесь могут думать обо мне, вместо того, чтобы думать о себе.

— Что бы вы посоветовали девочке, мечтающей стать балериной?

— Во-первых, она должна понимать, что ничего не бывает сразу. Для того чтобы перебороть все негативы, нужно иметь терпение, трудолюбие и огромное желание. Во-вторых, необходимо четко осознавать, что балет все же не самое важное в жизни. Возможно, ощущение, что все брошено на алтарь искусства, дает огромный стимул, но боюсь, когда балет закончится, будет очень страшно. Карьера балерины завершается в 40 лет, а жизнь, как сказано в известном фильме, в 40 лет только начинается.

— С чего же вы собираетесь начать в 40 лет?

— На какое-то время я собираюсь вообще забыть, что такое балет, просто выкинуть его из головы. Затем, если пойму, что смогу чему-то научить, может быть, буду преподавать, скорее всего, в театре, там больше творчества. Но это совсем не обязательно, потому что особого вкуса к педагогической деятельности у меня нет. Что бы я очень хотела сделать, так это открыть рестораник славянской кухни. Надеюсь, что и любимый человек мне поможет. Если не в организации, то уж в дегустанции точно.